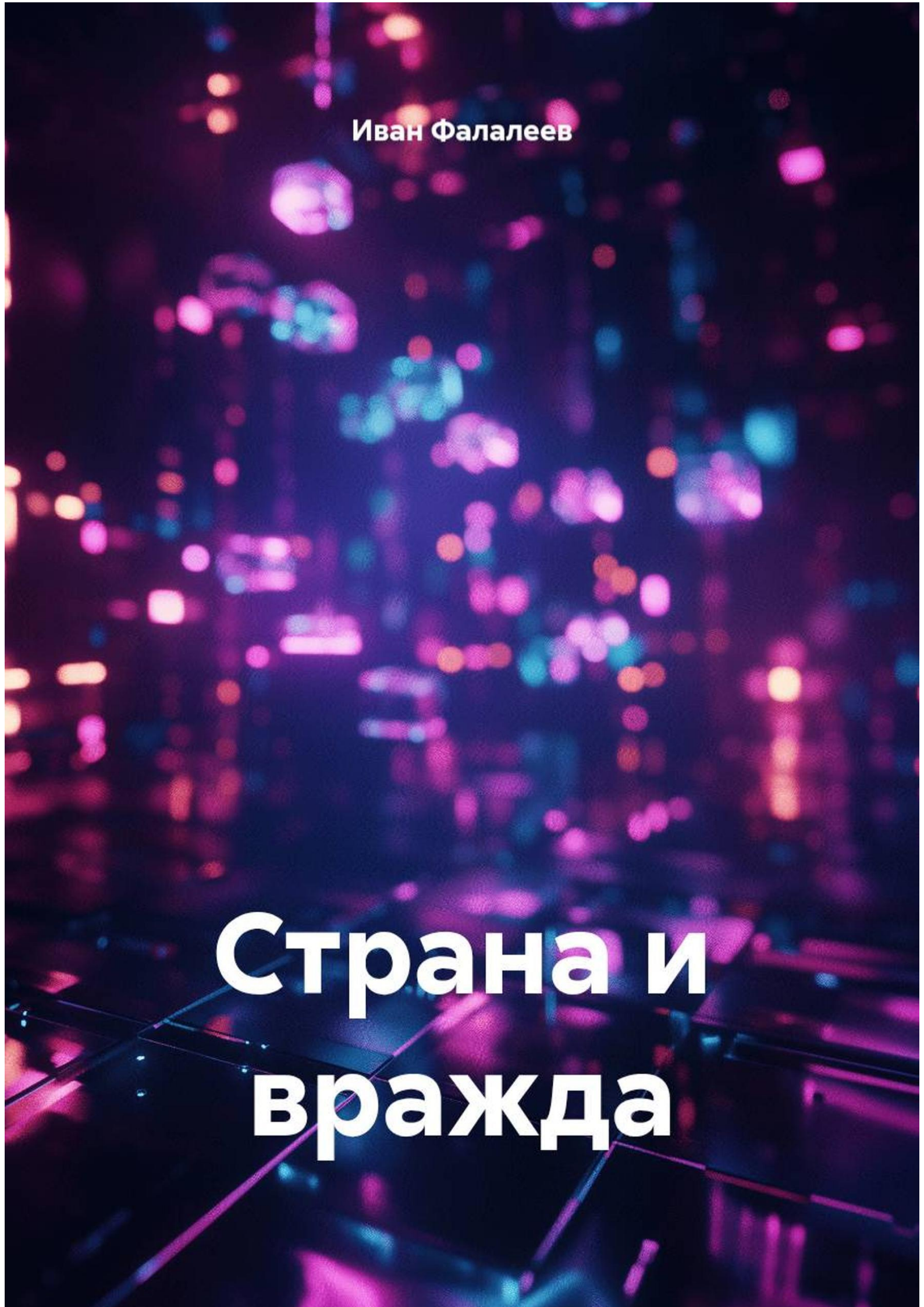

Иван Фалалеев
Страна и вражда

Иван Фалалеев

Страна и вражда

«Автор»
2026

Фалалеев И.

Страна и вражда / И. Фалалеев — «Автор», 2026

Десять детей, одно королевство и война до смерти. Вода, голод и вражда — без взрослых, без пощады.

© Фалалеев И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10

Иван Фалалеев
Страна и вражда

Глава 1

СТРАНА И ВРАЖДА

Глава первая. Тот день, когда замолчали колокола

В Асколоне никогда не было богато. Но в Асколоне никогда и не было так тихо.

Королевство лежало в каменистой ложбине между двумя серыми хребтами, и ветер здесь дул всегда — с севера, злой, несущий пыль и запах остывшего камня. Десять человек жили в Асколоне. Ровно десять. Их было легко пересчитать по головам, и каждая голова знала по имени каждую другую.

Король Билл I, мальчик с обветренными руками и слишком тяжёлым взглядом для своих лет, сидел на троне, который был просто большим плоским камнем у стены замка. Замок назывался замком только по привычке: три стены, четвёртая обвалилась ещё до того, как Билл научился ходить, и её заменили досками. Доски скрипели. Всё в Асколоне скрипело, шаталось и держалось на честном слове.

Рядом с троном стоял министр хлеба — Тобиас, щуплый, с вечно испачканными мукой пальцами, хотя муки в Асколоне не было уже давно. Должность осталась, хлеб — нет. Слева от него переминался с ноги на ногу министр холода Мартин, мальчик в трёх свитерах сразу, потому что один свитер ничего не давал, а два — почти ничего. У дверей, скрестив руки, стояла Эльза, министр колодцев, — единственная, кто умел находить воду под камнями и не считала это чудом, а считала работой.

И был Джонатан.

Джонатан не был министром. Джонатан был другом. Точнее — Джонатан был тем, кто сидел рядом с Биллом на обвалившейся стене долгими вечерами, когда есть было нечего и оставалось только смотреть, как садится солнце за северный хребет, и говорить о том, каким Асколон станет, когда всё наладится. Они делили последнюю репу пополам — не по-честному, а по-настоящему: один откусывал, второй доедал, и никто не считал, кому досталось больше.

В тот день они поссорились.

Никто потом не смог вспомнить, с чего началось. Может, с репы. Может, с того, кому идти за хворостом в холодный овраг, где ветер сбивает с ног. Может, с того, что Джонатан сказал: «Ты сидишь на камне и думаешь, что ты король», — а Билл ответил: «А ты думаешь, что можешь говорить мне всё, что хочешь». Слова были маленькие, обычные, такие, какие говорят уставшие люди. Но в Асколоне усталость была не чувством, а погодой. Она стояла в воздухе, как пыль, и оседала на всех.

— Тогда забирай свой камень, — сказал Джонатан тихо.

— Это не камень. Это трон, — сказал Билл.

— Это камень, — сказал Джонатан. — И ты на нём один.

Он повернулся и ушёл. Не в другую страну — идти было некуда. Он ушёл за обвалившуюся стену, к северному склону, где стояла старая пастушья хижина без крыши, и остался там. С ним ушли двое: Агата, министр огня, девочка с обожжёнными пальцами, которая умела разжечь костёр из ничего, и младший брат Джонатана, Сэм, у которого не было никакой должности, потому что ему было восемь и он ещё не выбрал, кем хочет быть, — а теперь и выбирать стало незачем.

На стене замка остались семеро. На склоне — трое. Десять человек, разделённых не стеной — стены между ними не было, её никто не строил, — а чем-то хуже стены. Обидой. Той самой, которую нельзя потрогать, но которая стоит крепче любого камня.

Утром Билл вышел на обвалившуюся стену и сказал то, что потом повторяли все:

— Пока Джонатан не вернётся и не скажет, что это трон, а не камень, — между нами вражда. До смерти.

Он сказал «до смерти», потому что был ребёнком и не знал, как это звучит. А Эльза, стоявшая внизу, знала — и потому ничего не сказала, только крепче сжала рукоятку своей лопаты.

Джонатан, когда ему передали, ответил со склона, не поднимаясь:

— До смерти так до смерти.

И колокол Асколона — единственный колокол, треснувший, висевший на кривой балке у ворот, — в тот день не звонил. Звонить было некому и незачем. Колокол звонил, когда все были вместе. Теперь все вместе быть перестали.

Первую неделю войны никто не воевал. Воевать было нечем. В Асколоне не было оружия, кроме двух старых ножей, топора для хвороста и лопаты Эльзы, которой она копала колодцы и которой, если честно, копать колодцы было важнее. Война шла иначе: она шла холодом.

Мартин, министр холода, знал про холод всё. Он знал, что если заткнуть тряпками щели с северной стороны замка, внутри станет теплее на пол-градуса — а полградуса в Асколоне были разницей между «терпимо» и «невыносимо». И он знал, что если тряпки забрать, станет холоднее. Тряпки были общие, их рвали из старых рубах. И вот на восьмой день тряпки с северной стороны хижины Джонатана исчезли.

Их не украли. Их просто не дали. Билл сказал: «Пока он не вернётся — ничего общего». И это было первое настоящее оружие в этой войне: не меч, а отсутствие тряпки.

На склоне стало холодно. По-настоящему. Агата жгла костёр из сухого бурьяна, но бурьян горел быстро и грел мало, а Сэм кашлял всю ночь, и Джонатан сидел рядом с ним и смотрел на огонь, и в глазах у него было что-то такое, от чего Агата отворачивалась.

— Мы можем попросить, — сказала она однажды. — Просто попросить тряпок. Не мириться. Просто тряпок.

— Не можем, — сказал Джонатан. — Если попросим — значит, мы слабее. А если мы слабее — он победил. А он не должен победить.

— Почему?

Джонатан долго молчал. Потом сказал:

— Потому что тогда получится, что он был прав. Что это камень. Что я зря ушёл.

Он не сказал «что я его люблю и мне больно». Но Агата услышала именно это. Она была министром огня и умела слышать, что горит внутри, даже когда снаружи только дым.

На девятый день Билл собрал своих на совет — не на большой, а на маленький, у трона-камня.

— Еды осталось на четыре дня, — сказал Тобиас, министр хлеба, и руки у него дрожали. — Репа, немного крупы, соль. Если делить на семерых — четыре дня. Если на десять — три.

— На десять не делим, — сказал Билл.

— Они умрут, — сказала Эльза прямо. Она всегда говорила прямо, потому что лопата не умеет говорить иначе, и Эльза научилась у неё.

— Не умрут, — сказал Билл. — Они сильные. Джонатан сильный.

— Сэм не сильный, — сказала Эльза. — Сэму восемь.

Билл отвернулся. Он смотрел на северный хребет, и ветер трепал его волосы, и если бы кто-то посмотрел ему в лицо в эту секунду, он увидел бы, что Билл не злой. Билл — испуганный. Испуганный мальчик, который однажды сказал «до смерти» и теперь не знал, как это отменить, потому что отменить — значит признать, что сказал зря. А признать, что сказал зря, — значит снова стать просто мальчиком на камне, а не королём.

— Министр колодцев, — сказал он официально, потому что официальность помогала держать голос ровным. — Есть ли вода на северном склоне?

Эльза помолчала.

— Есть, — сказала она. — Родник под камнем у старой хижины. Я его нашла в прошлом году. Он слабый, но он есть.

— Тогда они не умрут от жажды, — сказал Билл. — А от голода... от голода они придут.

Он сказал это как приговор. Но Эльза услышала в этом надежду — и запомнила. Потому что если Джонатан придёт первым, Билл сможет его простить. А если Билл придёт первым — не сможет уже никто.

Через два дня на границе — а граница была просто линией, где кончался двор и начинался склон, — появился Сэм. Один. Он шёл медленно, потому что был маленький и потому что нёс в руках что-то, завёрнутое в тряпку.

Он остановился на линии.

— Это вам, — сказал он тихо.

Тобиас развернул тряпку. Там были ягоды. Горсть поздних, сморщенных, северных ягод — тех, что растут на камнях и стоят труда, потому что собирать их — значит лазить по склону, где можно сорваться.

— Откуда? — спросил Билл.

— Джонатан собирал, — сказал Сэм. — Всю ночь. Он не знает, что я понёс. Он бы не разрешил. — Сэм шмыгнул носом. — У нас нет хлеба. Совсем. И я подумал... вы же тоже люди.

Тишина на дворе стала такой, что стало слышно, как ветер шевелит треснувший колокол.

Билл смотрел на горсть ягод. Маленьких, сморщенных, собранных ночью на склоне человеком, который сказал «до смерти так до смерти» и не отменил своих слов.

— Скажи Джонатану, — сказал Билл медленно, и голос у него был чужой, — что мы не берём подачек.

Он сказал это. И в ту же секунду понял, что сказал неправильно. Но слово уже вылетело, а слово в Асколоне, где жили десять человек, было тяжелее камня.

Сэм кивнул — не обиженно, а как-то сразу ссутулившись, будто стал старше на десять лет за одну секунду. Завернул ягоды обратно в тряпку. Повернулся.

— Сэм, — сказала Эльза.

Он остановился.

— Ты ничего не сделал плохо, — сказала она. — Слышишь? Ничего.

Сэм не обернулся. Пошёл вверх по склону, маленький, в слишком большой куртке, и ветер толкал его в спину, будто гнал домой.

В ту ночь на склоне горел костёр — долго, до утра. А во дворе замка никто не спал. Билл сидел на своём камне и смотрел на этот огонь через обвалившуюся стену, и Мартин, министр холода, стоял рядом и молчал, потому что знал: иногда самый страшный холод — не тот, что снаружи.

На третий день после этого Джонатан спустился к линии границы сам.

Он не нёс ягод. Он нёс топор.

Глава 2

Глава вторая. Топор и лопата

Топор лежал на линии между двором и склоном — тот самый топор для хвороста, единственный в Асколоне, с щербатым лезвием и рукоятью, обмотанной ремнём. Джонатан положил его плашмя, а сам встал в двух шагах, скрестив руки. За ним, чуть выше по склону, стояли Агата и Сэм. Сэм держался за рукав Агаты и старался не кашлять.

Билл вышел один. Не потому что был смелый, — потому что если бы вышел с кем-то, это выглядело бы как войско, а войска у Асколона не было. Он подошёл к линии и остановился.

— Выходи, — сказал Джонатан.

— Я вышел, — сказал Билл.

— Выходи драться.

— Я не буду драться, — сказал Билл. — У нас нет оружия. У тебя топор. У меня ничего.

— Возьми лопату, — сказал Джонатан, и голос у него был ровный, как камень. — Эльза даст.

Эльза стояла у ворот, и лопата была у неё в руках, и она не двинулась. Не потому что не хотела отдать, — потому что понимала: если отдаст, начнётся то, что уже не остановить. Колодец, выкопанный лопатой, — это жизнь. Лопата, поднятая на человека, — это уже не лопата.

— Джонатан, — сказала она. — Сэм кашляет. Ему нужен тёплый отвар. У нас есть сушёная мята, у вас — нет. Давай я принесу мяту. Просто мяту. Никто никому не должен.

— Мята — это подачка, — сказал Джонатан, и Билл вздрогнул, потому что это было его слово. Слово, которое он сам бросил два дня назад и которое теперь вернулось к нему через склон, как камень, брошенный вверх.

— Это не подачка, — сказала Агата тихо. — Это мята.

— Молчи, — сказал Джонатан, не оборачиваясь.

И вот это — «молчи» — было первым настоящим ранением в этой войне. Агата замолчала. Но глаза у неё стали другими. Министр огня знала, что бывает, когда гасят огонь: сначала дым, потом темнота, потом — что угодно.

Джонатан наклонился и поднял топор.

— Я не хочу тебя убивать, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты сказал, что это камень.

— Это трон, — сказал Билл.

— Это камень.

— Это трон.

Они стояли так долго, что ветер успел дважды сменить направление. Потом Джонатан поднял топор — не замахиваясь, просто поднял, — и сделал шаг через линию.

И в этот момент с северного хребта донёсся звук.

Не ветер. Не камень. Звук шагов — многих шагов, тяжёлых, уверенных, таких, каких в Асколоне не было никогда, потому что все десять человек ходили тихо, берегя силы.

На гребне склона показались фигуры. Четыре. Пятая — впереди, крупная, широкая, в кожаном плаще, с чем-то длинным в руке. Они спускались быстро и не осторожничали: им было всё равно, слышат их или нет.

Джонатан опустил топор.

— Кто это? — спросил Сэм шёпотом.

Никто не ответил, потому что никто не знал. В Асколоне жили десять человек и знали всех в лицо. Этих лиц не знал никто.

Пятый — вожак — остановился в десяти шагах от линии и оглядел двор, замок, колокол, камень-трон. У него было лицо, которое не улыбалось и не хмурилось, а просто смотрело, как смотрят на вещь, которую собираются взять. Длинное в его руке оказалось не мечом — мечей здесь не было ни у кого, — а окованной железом палкой. Но железо в Асколоне было редкостью, и это говорило больше, чем меч.

— Это Асколон? — спросил он. Голос низкий, спокойный.

— Асколон, — сказал Билл. Он всё ещё стоял на линии, и топор Джонатана был в двух шагах от его груди, и это было настолько неважно теперь, что оба они об этом забыли.

— Десять человек, — сказал вожак. — Мы считали. Сверху видно. — Он кивнул на своих. — Мы из-за хребта. Там больше нет воды. Колодец у нас был один, и он ушёл в камень. Мы идём вдоль хребта и ищем, где сесть.

— Здесь негде сесть, — сказала Эльза, выходя вперёд с лопатой. — У нас самих один родник и тот слабый.

Вожак посмотрел на неё. Долго. Потом сказал:

— Родник. Значит, вода есть. — Он повернулся к своим. — Достаточно.

И вот тут Джонатан сделал то, чего от него не ждал никто.

Он поднял топор — и перешагнул линию. Но не в сторону Билла. В сторону вожака. И встал рядом с Биллом, плечом к плечу, как стоял когда-то на обвалившейся стене вечерами.

— Вода наша, — сказал он. — И колодец наш. И если ты хочешь сесть — садись у хребта. Здесь места нет.

Билл посмотрел на него. Джонатан не посмотрел на Билла. Но плечо его было тёплым и твёрдым, и это было важнее любых слов.

Вожак перевёл взгляд с одного на другого. Потом на Эльзу с лопатой. На Агату, у которой в руках был трут и кресало, — а трут и кресало, если уметь, страшнее топора. На Сэма, который кашлял, но не отходил.

— Дети, — сказал вожак. Не презрительно — задумчиво. — Все дети. — Он помолчал. — Это ничего не меняет.

Он поднял железную палку и опустил её на линию — на то самое место, где лежал топор.

— Вот здесь будет граница, — сказал он. — По эту сторону — мы. По ту — вы. Воду делим: половину нам, половину вам.

— Половина родника — это меньше, чем нужно нам одним, — сказала Эльза.

— Это ваша проблема, — сказал вожак. — Моя — накормить своих. — Он повернулся и пошёл вверх по склону, к старой хижине, и его четверо пошли за ним. Один из них, проходя мимо Джонатана, толкнул его плечом. Просто так. Чтобы знал.

Они заняли хижину. Ту самую, где ночевали Джонатан, Агата и Сэм. Выгнали их без слов — просто вошли и сели, и Сэм отступил первым, потому что был маленький и умный.

Ночь была худшей в истории Асколона.

Десять человек — семеро в замке, трое под обвалившейся стеной, на голой земле, — и пятеро на склоне, в хижине, в тепле, с железом. Пять ртов, которых не было в расчётах Тобиаса. Пять ртов, которые пришли в страну, где еды на четыре дня.

Билл сидел на своём камне. Джонатан сидел на полу у стены, напротив, и они не смотрели друг на друга, потому что смотреть было слишком много.

— Мы помирились? — спросил Билл наконец.

— Нет, — сказал Джонатан. — Мы просто перестали воевать друг с другом. Это не то же самое.

— Понял, — сказал Билл.

Помолчали.

— Ты вернулся, — сказал Билл.

— Я не вернулся, — сказал Джонатан. — Я вышел. Я всё ещё не признал, что это камень.

— Хорошо, — сказал Билл. И это было честно.

Агата сидела у стены рядом с Сэмом, укутывала его во всё, что нашлось, и молчала. Эльза стояла у двери с лопатой, хотя было ясно: против пятерых с железом лопата — это просто деревяшка. Но она стояла, потому что кто-то должен был стоять.

Мартин, министр холода, подошёл к Биллу и тихо сказал:

— Тряпки с северной стороны я вернул. Все. И ещё отдал свои. — Он помолчал. — Это не подачка. Это моя должность.

Билл кивнул. Мартин кивнул. И это было второй настоящей вещью за день.

А утром вожак спустился снова — один, без железа, и остановился на линии, которую сам провёл.

— Меня зовут Край, — сказал он. — Я не воюю с детьми ради удовольствия. Я воюю ради воды. Дайте мне родник — и я уйду.

— Уйти некуда, — сказал Джонатан.

— Верно, — сказал Край. — Поэтому я не уйду. — Он посмотрел на Сэма, который кашлял в тряпку, и лицо у него не изменилось. — У вас ребёнок болен. У меня двое таких же за хребтом, которых я оставил. Я пришёл за водой для них. Скажите мне, что это неправильно, — и я уйду.

Никто не сказал. Потому что это было правильно. И это было страшно — потому что правильное и страшное в Асколоне впервые совпали.

— Тогда так, — сказал Край. — Через три дня — переговоры. Все десять, все пятеро. На линии. Кто не придёт — тот проиграл. — Он повернулся и ушёл наверх, и слышно было, как скрипят доски хижины под его шагами.

Вот тут-то, во дворе замка, на глазах у всех, Джонатан повернулся к Биллу и сказал:

— Я вернулся.

Билл посмотрел на него.

— А трон?

— Камень, — сказал Джонатан. — Камень, на котором ты сидишь и решаешь, кто ест, а кто нет. Вот от этого я и ушёл.

И Билл — впервые за всю войну — не нашёл, что сказать. Потому что Джонатан был прав. И потому что через три дня им предстояло переговариваться с человеком, у которого было железо, а у них — репа и кашель.

— Тогда садись рядом, — сказал Билл наконец. — На камень. Будем решать вместе.

Джонатан сел. Сначала на край. Потом, когда стало ясно, что сидеть больше негде, — ближе. Билл ничего не сказал. Джонатан тоже.

Это не была дружба. Это было хуже и лучше дружбы: это было перемирие, которое держалось не на тепле, а на понимании, что по отдельности их съедят.

Сэм перестал кашлять к вечеру — Эльза всё-таки принесла мяту, а Агата всё-таки взяла её, и никто не назвал это подачкой, потому что было уже не до слов. Край сверху видел всё и ничего не сказал.

Переговоры назначили на третий день. А на второй случилось то, чего не ждал никто.

Ночью с северного хребта пришёл ещё один. Без спутников, один, но такой, что даже Край вышел к нему навстречу и не поднял железной палки.

Он был выше Края на голову. Плечи — как двери. Руки — как лопаты Эльзы, только толще. За поясом — два ножа, настоящих, с деревянными рукоятками. А на лице — спокойствие, от которого у Агаты опустились руки с кресалом.

— Край, — сказал он. Голос — как камень, катящийся по камню. — Ты нашёл воду и не позвал меня.

— Ты не в моей группе, — сказал Край.

— Я не в чьей группе, — сказал он. — Я сам по себе. — Он оглядел двор, замок, колокол — и увидел детей. Семерых. Троих под стеной. — Десять? — спросил он. — Так мало?

— Десять, — сказал Край.

— Значит, еды не хватит, — сказал пришедший. — Ни им, ни нам. — Он посмотрел на Края, и в этом взгляде не было злобы. Было хуже: расчёт. — Воду делят на всех. Воду можно забрать. Нам нужна вся вода, Край. Не половина.

— Они дети, — сказал Край.

— Я тоже был ребёнком, — сказал пришедший. — И я помню, как это — когда умирают все, кроме тебя. Я больше не хочу это помнить. — Он поправил нож за поясом. — Меня зовут Рейн. Я пришёл не воевать. Я пришёл выжить. Если для этого нужно убрать десять — я уберу десять. Скажи мне, что это неправильно, — и я уйду.

Край молчал.

Билл, стоявший у обвалившейся стены с Джонатаном плечом к плечу, услышал всё. И понял: война «до смерти» между друзьями была детской игрой. Настоящая война только что постучала в ворота — и у неё было имя, два ножа и никаких правил.

Рейн обвёл взглядом двор и нашёл глазами Билла. И улыбнулся. Не зло — просто.

— Переговоры, — сказал он. — Завтра. Я буду. — Он повернулся и пошёл вверх, к хижине, и Край пошёл за ним, и было видно, что Край теперь не главный.

Во дворе стало тихо.

— Джонатан, — сказал Билл.

— Да.

— Нам нужно оружие.

— У нас нет железа.

— Нам нужно железо.

Джонатан помолчал. Потом сказал:

— У нас есть колокол. Он треснул, но он бронзовый. — Он посмотрел на Билла. — Если его переплавить — выйдет что-то острее топора.

Билл посмотрел на колокол — единственный колокол Асколона, тот самый, что звонил, когда все были вместе, и молчал с первого дня войны.

— Переплавляй, — сказал он.

И колокол замолчал навсегда — но не так, как молчал раньше. Раньше он молчал от обиды. Теперь он замолчал, чтобы стать оружием.